

А. Ф. Лемешев

Нравственность и знание

Белорусский государственный медицинский университет

Тайна познания в том, что познающий в акте познания возвышается над предметом познания. Познание есть великое дерзновение. И ещё нужно сказать про познание, что оно горько и на эту горечь нужно согласиться. Кто любит лишь сладкое, не может познавать. Н.А. Бердяев О назначении человека.

Человек находится в мире и стоит перед миром, как перед загадкой, требующей разрешения. Мир питает, но тревожит и угнетает человека. Мировая среда, в которую он таинственно ввергнут, вечно угрожает человеку и побуждает к борьбе. Пожалуй, нет ничего более изумительного, более трогающего и потрясающего, чем эти усилия человеческого духа через тьму прорваться к свету. Мы в состоянии познавать свет, смысл и свободу только потому, что в нас есть эти качества. Познание не было бы возможно, если бы человек был лишь творением природы, если бы он не был духом. Познание не есть пассивное отражение, познание суть борьба за овладение смыслом бытия. Материализм не может пролить свет ни одну загадку нашего существования. Он несостоятелен философски и бессилён, как теория познания.

Введение.

Автор не относит себя к высоколобым идеалистам, как может показаться из первого абзаца. Моя цель прозаична – попытаться выяснить, каким образом знание (образование в широком смысле) влияет на нравственность. В медицинской профессии этот вопрос сводится к вечной теме врачебной этики. Если формулировать совсем просто, то тема прозвучит так – делает ли медицинское образование человека лучше, гуманнее, нравственнее?

На первый взгляд ответ несомненен. Но давайте взглянем пристальнее. Каким образом изучение медицины как науки улучшает нравственность? Врачебная этика и деонтология (эти понятия совместно – тавтология) суть набор правил о том, как следует поступать. Медицинскую деонтологию можно сравнить с уголовно-процессуальным кодексом. В обоих случаях изучаются правила, алгоритмы действий в тех или иных ситуациях. Но каким образом изучение закона может заставить человека соблюдать закон? Все водители изучают правила дорожного движения, однако далеко не все их соблюдают. Несколько предварительных замечаний.

Тезис первый, житейский. Восточные славяне в отличие от западных европейцев к образованию и науке неизменно относились своеобразно. В Западной Европе отношение к ученым всегда было почтительным, знание любого рода уважалось. Восточные славяне приветствуют плоды науки, охотно пользуются ими. Но идеалом человека признаётся тип юродивого – этаким

народный мудрец, изрекающий апокалипсические истины. Отношение широких масс к людям образования и науки хорошо демонстрирует обыденная речь. Приведу только несколько примеров: «Выучили вас на свою голову!»; «Так вы же клятву давали!»; «А ещё в очках» (чем очки не угодили?); «Больно умный!». Замечу, что последняя фраза имеет уничижительный оттенок. Создаётся впечатление, что очень умным быть стыдно, нехорошо.

У автора в процессе многолетнего общения с больными сложилось впечатление, что пациенты признают интеллектуальное и профессиональное превосходство врача. Правда, и это пункт они нередко пытаются каким-то образом оспаривать. Но нравственное преобладание врача больные внутренне не признают в большинстве случаев. Даже алкоголики считают себя в моральном отношении никак не ниже доктора. Подводя мысленный итог, можно говорить так – широкие народные массы полагают, что образование не прибавляет нравственности. А порою допускается обратное воздействие – образованность приводит к своеобразному отрыву от трудящегося народа и это сопровождается деформацией моральных устоев.

Тезис второй, социологический. Статистика отмечает, что преступления и правонарушения среди людей с высшим образованием встречаются реже. Это положение относится ко всем странам. Примем это пока как факт, без комментариев.

Тезис третий, библейский. Любой человек слышал о грехопадении Адама и Евы, о первородном грехе. Это место в Ветхом Завете освещается во 2-ой и 3-ей главах, идущих сразу после рассказа о создании Богом всего сущего. Для нашей темы важно следующее. Господь воспретил есть плоды с дерева познания добра и зла и запрещение подкрепил угрозой: «...ибо в день, когда ты вкусишь от него, смертью умрёшь».

Как известно, хитрый змей искусил Еву: «... нет, не умрёте; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло»[4].

Это место в Библии не давало и не даёт покоя многим поколениям мыслителей.

1) Почему знание в самой великой книге всех времён сцеплено, намертво связано с нравственностью, со знанием добра и зла? Почему знание неотделимо от этики и нравственности? Что объединяет знание и мораль?

2) Господь не может обманывать, ведь это противоречит его природе. Тогда что означает «смерть» для Адама и его потомков после познания добра и зла. Явно, что подразумевалась не мгновенная физическая гибель.

3) Не только змей обещал людям, что знание откроет их глаза, и они станут как боги. При изгнании из рая Бог напрямик высказал свои опасения: «И сказал Господь Бог: вот Адам стал, как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простёр он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»[4].

Обычное толкование этого места Ветхого Завета с позиций здравого смысла приводит к новым вопросам. Но на краю сознания брезжит мысль, что нельзя ветхозаветный текст понимать буквально. Есть, должен быть эзотерический (скрытый) смысл, только к нему очень сложно прорваться. Тайна перестаёт быть

тайною, когда раскрывается.

Тезис четвёртый, исторический. Примерно за 400 лет до рождения Христа «бог вдохновенный» Платон высказывал примерно те же мысли, что в Библии. Сократ устами Платона утверждал, что человек не может совершать зло добровольно, людское зло проистекает от незнания. Вновь прослеживалась всё та же прикованность знания к этике.

Эту мысль Платон многократно и в разных вариантах высказывает во многих диалогах. Помнится, когда мне впервые попалось такое место, я долго не мог придти в себя от возмущения. Как мог Сократ, которого дельфийский оракул назвал мудрейшим из эллинов, нести такую ахиною. Даже подростку известно, что есть люди, вершащие зло не просто сознательно, но с удовольствием, с наслаждением. Для некоторых людей творить зло так же необходимо, как дышать. Вероятно, этическая позиция Сократа нервировала не одного меня. Ницше высмеивал учителя Платона на все лады, откровенно называя его плебеем и горлопаном [9, 10]. Впрочем, афинские граждане присудили Сократа к чаше с ядом по той же причине. Не надуманное обвинение о непочитании богов было главной причиной судебного процесса. Сократ был чересчур умён и хорош – это раздражало, выводило из себя рядовых афинян (слишком умный).

Тезис пятый, мифологический. Когда Прометей принес людям знание (огонь, ремесла), он был жестоко наказан. Прометея приковали к скалам Кавказа, и орёл клевал его печень ежедневно. Почему боги так страшились того, что люди овладеют хотя бы техническим знанием?

Тем не менее, в человеке глубоко заложено воспоминание об утраченном рае, о золотом веке. Легенды и мифы всех народов мира ярко повествуют об этом. Парадоксально, но технические достижения только усиливают это ностальгическое чувство. Человечество словно пытается техническими изобретениями компенсировать горечь утраты цельности и первозданной чистоты. Мы словно силимся кому-то доказать, что приобрели гораздо больше, чем потеряли. Нам бы хотелось вернуться в то «золотое время», вольно или невольно каждый об этом мечтает.

Грандиозный социальный эксперимент с построением социализма и коммунизма имеет тот же источник. Хотелось пусть через немыслимые потери, но устроить земной рай, воссоздать Царство Божие. Наша жизнь – тяжкий труд, как и предсказывал Господь при изгнании первых людей из Эдема. Плоды с древа познания добра и зла оказались настолько горьки, что жизнь и сознание отравлены страданием и болью. Даже христианство, одна из величайших мировых религий, вынуждено биться над вечной проблемой. А именно: если Господь всеблаг и всемогущ, как мог допустить появление зла в мире? Почему Бог допустил зло в своём творении? Ссылки на сатану или библейский первородный грех разум принять не может. Эти уловки противоречат пониманию Божества, как абсолютного существа.

О терминологии.

Мне приходилось иногда спрашивать студентов о различии между знанием и воспринятой информацией. Ответы давались разные, но смысл отличался незначительно. Различие находили в сохранности информации, в способности

воспроизведения, возможности свободно оперировать информацией. Никому из студентов не приходила в голову мысль, что информация и знание – это совершенно разные категории.

Давайте дадим определения основным терминам, которыми будем оперировать.

Этика – это учение о происхождении, различении, оценке и смысле добра и зла. Очень важно почувствовать, глубоко осознать следующее положение. Понять сущее, истинное добро человек может только как духовное существо. Как социальное образование, как люди в данном обществе они в состоянии познать лишь меняющиеся понятия о добре и зле.

Познание делится на две основных разновидности. Научное познание – это накопление и систематизация фактов с последующим формированием законов через понятия. При научном познании человек как бы стоит перед бытием, разглядывает его. Научное познание основано на мышлении с помощью понятий. Науки всегда имеют дело с частичной действительностью, ими не постигается смысл мира и бытия. Философское, в том числе этическое познание есть особая сфера духовной культуры. Это можно назвать проникновением в смысл человеческого существования, в первичные тайны бытия.

В чём отличие знания от воспринятой информации? Информация бездушна и безлична. Потому научные книги так похожи друг на друга, что они начинены информацией. Но все меняется, когда человек силится нечто познать. Познание (даже в форме обучения) не есть лишь отражение, запись информации на некий носитель. Познание – это творческое преобразование, усилие над собою, преобразование информации во что-то личное, интимное. Познание – поиск критерия истины в себе, в своём сознании, сердце и совести. Знание – это преображённая и преобразованная (одушевлённая) информация.

Откровение само по себе не сталкивается с познанием. Откровение есть то, что открывается мне, познание есть то, что открывает моё «Я».

Обсуждение.

Редкий мыслитель не пишет об этических вопросах. А зачинателем этики как дисциплины, является бессмертный «боговдохновенный» Платон.

Этика Платона.
По своему обыкновению Платон не создавал отдельные трактаты, а рассматривал нравственность в ряде произведений, написанных в форме диалогов. Но главный стержень нравственности в понимании Платона – разум, его законы. Рассмотрим одно из наиболее простых и коротких произведений Платона [11].

Действие диалога «Евтифрон» происходит неподалёку от здания суда. Сократ вызван по обвинению в развращении молодёжи путём внушения «ложных богов». Он ещё не знает, что глупое обвинение послужит причиной его скорой смерти по приговору присяжных. Жить Сократу остаётся около месяца. Второе действующее лицо – Евтифрон – также пришёл к судье. Евтифрон хочет обвинить своего отца в убийстве и предать его суду. По эллинским представлениям совместная жизнь с убийцей оскверняет человека. Убийца (вольный или невольный) должен быть наказан или очищен в храме.

История с убийством заслуживает краткого описания, ибо именно с её разбора начинается исследование нравственности Сократом и Евтифроном. Существо дела – один из подёнщиков, будучи пьяным, зарезал раба. Отец Евтифрона приказал связать убийцу и оповестить специального чиновника. Пока чиновник добирался до поместья, связанный убийца умер. Теперь Евтифрон обвиняет в убийстве уже отца, хотя прекрасно понимает, что действия родителя можно квалифицировать как неоказание помощи, приведшее к смерти, но не убийство. Для того чтобы разобраться, что благочестиво (нравственно), а что безнравственно, Евтифрон привлекает более высокий критерий, нежели мнение людей. Он ссылается на божественную оценку, представления богов о морали.

Сократ соглашается: «Никто ни из богов, ни из людей не посмеет сказать, будто виновный не должен нести наказание». Заметим, что герои диалога отказываются от известного положения Протагора – «человек есть мера всех вещей». Они ищут более высокий критерий, который будет безусловным, общеобязательным.

Исходный тезис Евтифрона таков: «Благочестиво то, что угодно богам, нечестиво же то, что им не угодно».

Сократ по своему обыкновению через наводящие вопросы начинает исследование. Рамки статьи не позволяют выявить диалектику Сократа в полном объёме, отметим лишь узловые моменты. Главный пункт несогласия Сократа состоит в том, что он прекрасно понимает различие между богоугодным и нравственным. Однако эту разницу собеседник понимает с трудом и недостаточно ясно.

Сократ. Подумай вот о чём: благочестивое (нравственное) любимо богами потому, что оно нравственно, или оно благочестиво, потому, что его любят боги? Евтифрон. Я не понимаю тебя, Сократ.

Сократ. Существует нечто любимое и соответственно нечто отличное от него – любящее.

Евтифрон. Мне кажется, я понимаю.

Сократ. Значит, нравственное любят потому, что оно благочестиво, но не потому оно нравственно, что его любят.

Сократ продолжает разъяснения и приводит мысль к завершению: «У нас получилось нечто противоположное – между богоугодным и благочестивым существует полное различие. Одному свойственно быть любимым, потому, что его любят, другое любят, потому что ему свойственно быть любимым.

Далее Сократ пытается втолковать собеседнику различие между нравственным и справедливым на примере чисел, а также страха и стыда:

«Благочестивое – часть справедливого подобно тому, как четные числа есть только часть чисел вообще. Точно так же стыд суть часть страха. Поэтому неверно говорить «где страх, там и стыд». Наоборот, ибо страх встречается чаще, чем стыд».

Финал диалога отдаёт горьким сарказмом. Сократ как бы предчувствует, что афинские присяжные во время суда не поймут его доводов, не услышат голос разума:

«Если бы у тебя имелось ясное представление о нравственном и нечестивом, ты никоим образом не мог бы из-за поденщика преследовать престарелого отца за убийство. Ты убоился бы богов – не отважился ли на ложный шаг – и людей постыдился бы тоже».

Этика Аристотеля.

Историческая мысль в целом ставит учение Аристотеля о нравственности выше Платона. Возможно, эта оценка проистекает из формы изложения. Платон пользовался исключительно диалогом для выражения своих мыслей. Диалог – это обязательно драматургия, обрисовка характеров, живая речь. Мысль Платона порою запредельна, она уходит в бесконечные дали. Недаром у него так много говорится о космосе и месте человека в этой сложной системе. Но, не взирая на сложность содержания, форма выражения у Платона проста, он охотно пользуется мифологическими примерами.

Аристотель 20 лет провёл в платоновской Академии. Он прекрасно изучил наследие своего учителя. Но его грыз какой-то червь честолюбия, и ему хотелось во всём превзойти наставника. Стиль Аристотеля резко отличается от других античных философов сухостью, сжатостью и стремлением предельно ясно и недвусмысленно выразить мысль. Аристотель оставил потомству два труда по этическим проблемам – «Никомахова этика» и «Большая этика» [1]. Именно в «Никомаховой этике» содержится фраза, которая вошла во многие учебники: Платон – мой друг, но истина мне дороже.

Остановимся на этой мысли. Представим себе преподавателя, который 20 лет проработал на какой-то кафедре. Затем этот преподаватель «вырос» и стал заведовать иной кафедрой. Представим также, что этот профессор при каждом удобном случае вспоминает своего учителя и подчёркивает, что тот нередко ошибался. И ошибки учителя следует вспомнить ради того, что истина – превыше всего. На мой взгляд, нравственная позиция такого ученика по отношению к учителю некрасива, неэтична. В ней явно ощущается моральная нечистоплотность. Нельзя в книге по этике сознательно нарушать этические нормы. Попутно хочу отметить, что очень многие мыслители горою стояли за автономность этики, за независимость нравственного чувства. Иными словами – каждый из нас несёт в душе нравственный закон, ощущает его подобно телесным чувствам. Другое дело, что лишь немногие живут по этому закону.

Мне могут возразить, что Аристотель на 250 страницах «Никомаховой этики» только один раз произнёс фразу о Платоне. Да, но невидимая полемика со своим наставником происходит практически на каждой странице. Только Аристотель не называет имя, а пользуется иносказаниями. Например, «иные говорят», «некоторые считают». Для античного читателя подобные намеки были совершенно прозрачны.

Если отбросить форму изложения, то Аристотель в основных чертах, по духу очень близок к Платону в учении об этике. Главная мысль – нравственность определяет благополучие человека. А благополучие (счастье) зависит от благоразумия, предусмотрительности. В отличие от Платона Аристотель выделил особую часть разума, которую назвал «софросине» – житейскую мудрость, рассудительность. «Софросине» есть основа практической

деятельности, она контролирует эмоциональную часть души. И второе отличие – Аристотель ничего не говорит о безусловном нравственном начале. Этот принцип нравственности у Платона назван божественной волей. В ранее упоминаемом диалоге «Евтифрон» настойчиво проводилась мысль, что боги сами руководствуются нормой нравственности (благочестия) при оценке того или иного поступка. Нравственность стоит как над людьми, так и над богами.

В силу того, что тексты Аристотеля очень хорошо логически структурированы, можно вывести формулу нравственности. Правда, нравственность у Аристотеля называется добродетелью.

Добродетель ≠ качества разума.

Добродетель есть сознательно избираемый склад души, сопряжённый с разумом, состоящий в обладании серединою (мерой).

Добродетель создаёт правильную цель, а рассудительность находит средства.

Добродетель = склад души + рассудительность + воля.

Как ни старается Аристотель вывести нравственность из самого человека, его качеств и волевой доминанты, он сам чувствует шаткость такой позиции.

Поэтому время от времени у него вырываются признания: «И вообще, страсть уступает не рассуждениям, а принуждению. Надо, чтобы заранее имелся нрав, как бы подходящий к добродетели, любящий прекрасное и отвергающий постыдное». Ещё одно признание: «...жить благоразумно большинству людей удовольствия не доставляет»[1]. Не слишком полагаясь на добродетельный склад души, Аристотель предлагает весьма суровые наказания для «непослушных и людей дурной природы; неисправимых вообще изгонять из государства» [1, гл.Х, 1180 а 5].

Отсутствие в этике Аристотеля нравственного идеала, что вытекало из непризнания им бессмертия человеческой души, отмечали многие мыслители. Выдающийся английский математик, логик и философ Б. Рассел писал: «Всё, что Аристотель имеет сказать, будет уместно для обеспеченных людей с неразвитым страстным началом. Но ему нечего сказать тем, кто одержим богом или дьяволом, а также тем, кого ужасное несчастье доводит до бездны отчаяния» [12].

Этика в христианстве.

Никакая мировая религия немислима без нравственной доминанты. С момента возникновения христианства и её главной книги – Библии, происходили бесконечные споры о том, какие догматы точнее отражают суть вероучения. Разумеется, для основной массы верующих было достаточно соблюдения 10 заповедей. Церковь за этим ревностно следила. Но вряд ли кто-нибудь из церковной элиты действительно верил, что Моисей их услышал на Синае. Полагаю, что богословы (они тоже люди) страстно хотели разумного обоснования нравственных постулатов. Они желали веру укрепить разумом.

В первой главе Библии повествуется о создании мира и человека. Можно задать дерзновенный вопрос, зачем Богу мир и человек? Если признать акт сотворения случайностью или божественной прихотью, утрачивается всякий смысл нашего существования. Для человеческого разума и сердца такое принять невозможно, о таком даже думается с оглядкой. Относительно таких вещей в

средние века нашли краткую и выразительную формулу – *sursum corda* – выше сердца. Это значит, что человек отвергнет такие вещи из-за полной несовместимости с его собственной сутью.

Теперь попытаюсь ответить на вопрос (зачем?). Христианский Бог, Бог религии распятой правды, не может быть понят статически. Человек не просто божья тварь, его создание. Человек создан «по образу и подобию». А это значит, что необходимо признать – Господь нуждается в человеке. В Боге есть тоска и любовь к своему созданию, и это придаёт человеку высший смысл. Ответ создания своему Творцу – это вера. И эта вера есть вера в высшую Правду, возвышающуюся над неправдой мира. В этом сопряжении абсолютной Правды Божией с правдой человеческой сокрыта тайна религиозной жизни. Это сокровенная тайна, в которую упирается наш разум, не поддаётся рационализации. Тайны веры не могут выражаться на языке понятий, на человеческом языке.

Это не означает, что мы ничего не можем выразить относительно веры. Наш язык, хоть приблизительно и ущербно, но приближается к пределу. Мог же Платон выражать с помощью языка предельные идеи. Но предел оттого так и назван, что далее существуют только образы, символы и просто нечто невыразимое.

Это отличие религиозной веры от знания прекрасно понимали и ощущали так называемые отцы христианского вероучения. Приведу только два известных афоризма.

1. «Верю, потому что такое абсурдно» – Тертуллиан (эта фраза есть противопоставление разума и веры) [цит. по 14].

2. «Бог во мне, но гораздо глубже, чем я сам» – Бл. Августин [5].

Связь нравственности со знанием (разумом) в христианстве проще показать через краткое изложение известного богословского диспута Бл. Августина с Пелагием. Скажу сразу, что спор выиграл Августин, а Пелагий осуждён на церковных соборах. Но, в конце концов, официальной доктриной христианства стало полупелагианство.

Аврелий Августин, прозванный Блаженным, – один из наиболее выдающихся мыслителей и отцов христианской Церкви, почитаемый в католицизме и православии. Августин родом из Северной Африки, в молодости был язычником, учителем риторики и философии. Изумительное знание античного наследия прекрасно ощущается в его произведениях. Далее он принимает христианство и достигает сана архиепископа в начале 5-го века н.э. Пелагий – современник Августина, ирландец по происхождению, приехал в Рим для изучения права и там же принял крещение. Потом Пелагий вёл монашескую жизнь. Спор Августина и Пелагия глубже, чем просто диспут о церковных догматах. Это столкновение различных мнений об устройстве человеческой души и духа. Спор сосредоточен вокруг двух понятий:

- благодать;
- свободная воля.

Основная идея Пелагия состоит в том, что Бог справедлив и требует от человека только того, что тот может совершить по собственной доброй воле. Эта воля не

затронута первородным грехом, и благодать только помогает человеку принять верное решение, но никак не вынуждает к нравственным поступкам. Пелагиане утверждали, что свобода человеку дарована Богом (естественная благодать). Человек же может согрешить или воздержаться от греха, Бог в этом неповинен.

Поразительно, насколько живучи мысли Платона. Ведь учение Пелагия – это слегка видоизменённое развитие двух принципов, высказанных ещё Сократом:

- этические нормы (нравственный закон) стоит не только над людьми, но и над Богом; Господь не может быть своевольным и непредсказуемым, он вынужден подчиняться закону добра, ибо Закон стоит над Богом, но никак не наоборот;
- необходимость и всеобщность распространяется только на законы мышления и некоторые стороны бытия; добродетель обусловлена свободным выбором человека (совершить грех или воздержаться).

Августин переставил акценты в пелагианстве. Главное возражение Августина против Пелагия заключалось в том, что человеческая природа искажена первородным грехом. Поэтому без божественной благодати люди не обладают свободной волей. Следовательно, без благодати человек не способен быть нравственным, не может не грешить. «Мы ясно видим, что справедливый и добрый Бог не может предписывать невозможное, поэтому он поучает нас (дарует благодать) в том, что мы в состоянии свершать в пределах возможного и как мы должны просить о невозможном» [6].

Вера – Надежда – Любовь у Блаженного Августина.

Пожалуй, именно Августин впервые в истории мировой мысли сумел соединить эти три категории. Давайте послушаем, что говорит первоисточник.

«Собственный разум, разговаривающий с тобою, обещает показать тебе Бога так, как солнце видимо для глаз, ибо душевные качества – как бы глаза ума. Любые научные положения подобны тому, что видимо благодаря освещению солнцем. Ну а Бог – это тот, Кто освещает.

Разум по отношению к уму есть то же самое, что способность смотреть по отношению к глазам. Ибо иметь глаза, ещё не значит смотреть, а смотреть – ещё не значит видеть. Итак, душе нужны три вещи: иметь глаза, чтобы пользоваться ими надлежащим образом, смотреть и видеть.

Взгляд души – это разум. Но из того, что кто-нибудь смотрит, ещё не следует, что он видит. Совершенный и настоящий взгляд, который действительно видит, называется добродетелью, ибо добродетель есть истинный, или совершенный разум. Но и такой взгляд не может повернуть к свету пусть уже здоровые глаза, если не будет трёх:

- веры, которая будет полагать, что предмет, на который обращается взор действительно таков, и этот предмет, будучи увиденным, сделает взгляд блаженным;
- надежды, которая предрешит, что увидит желанное непременно;
- любви, которая бы желала видеть и наслаждаться.

За таким взглядом следует видение Бога. Само же виденье есть то разумение, которое появляется в душе, состоящей из постигающего и того, что постигается» [6].

Стиль Бл. Августина тяжеловат для современного человека из-за

чрезвычайной насыщенности мыслями. Приходится вчитываться, вдумываясь в каждую строку.

Заключение.

Этический закон (постулат нравственности) заложен в человеческой душе. С этим согласны все, кто высказывался по этому поводу [1, 2, 5, 7, 8]. И. Кант с долей высокопарности назвал этический закон «категорическим императивом», подчёркивая, что нет людей, которые не носят в себе понимания того, что есть добро и зло [8]. Возникает вопрос, как раскрыть нравственность, перевести её из потенциальной в актуальную? Над этим многие века бьются лучшие умы, гении человеческого духа и, признаться, их усилия не принесли заметного успеха. Пока в этой области наилучших результатов достигла религия.

Разумеется, нравственность никак не обусловлена интеллектом, эрудицией, научным знанием. Тут «глас народный» прав. Но если не рассматривать знание как свод неких научных истин, то в познании возникает некая граница, за которой человек уже не руководится логическими правилами. Возникает нечто иное, настолько трудноуловимое, для чего люди не подыскали и, пожалуй, не подыщут соответствующего названия [14]. Запредельность понимания нравственности прекрасно отражена в Библии [4]. Тайна не поддаётся рационализации, переводу на общепонятный язык.

Если библейскую тайну добра и зла рассматривать с позиции логики и обыденного здравого смысла, то 2-я и 3-я главы кажутся не просто ложными. Разум твердит, что они лишены всякого смысла. Как может быть, чтобы от познания приходила смерть? Следовательно, только отказавшись от способности отличать добро и зло, освободившись от познания можно рассчитывать на награду? Иными словами, избавившись от знания можно обрести блаженство? Наше духовное естество такого принять не может. Это выше человека – *sursum corda*.

Сошлюсь на мнение известного православного богослова Флоровского, который старался синтезировать веру и разум. «В апостольском предании веры раскрывается и опознаётся благодатная премудрость, как разум истины и истина разума. Через умозрительное постижение и усвоение опыта веры преобразуется и претворяется сама стихия мысли. Вырабатывается новый строй понятий» [13].

Несколько слов о врачебной этике. Достоевский однажды признался: «В философии я шваховат» [6]. Тем не менее, многие крупные философы считают Ф. Достоевского не только гениальным писателем, но и выдающимся мыслителем [3, 14, 15]. Но для того, чтобы стать гением (и мыслителем), Достоевскому понадобились четыре года каторги. После такого послушания (или епитимьи) Достоевский обрёл себя и прекратил сочинять романы в духе «Униженных и оскорблённых». Одна из любимых мыслей зрелого Достоевского такова – страдание (и сострадание) есть главнейший закон человеческий.

Считаю, что врач, который каждодневно сталкивается с человеческими страданиями и драмами, поневоле меняется. Говорю это безо всяких ссылок, основываясь на личном опыте общения с бывшими студентами. Порою мне кажется, что Провидение приводит в медицину именно тех молодых людей, которые предназначены кармическим (космическим) законом для врачевания.

Если эту мысль выразить совсем просто, то профессия делает доктора более нравственным. Врачевание исцеляет не только пациента, но и душу врача. Да будет позволено следующее сравнение – врачевание есть послушание (или искупление) для человеческой души. Исключения из этого правила редки.

Ответ на тему, заданную в заголовке статьи, невозможен. Точнее, он невозможен как научная формулировка. Если бы нравственность была похожа, к примеру, на анатомию, людей давно бы заставили её выучить.

Литература

1. Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. С. 53–375.
2. Бердяев, Н. А. Диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. С. 357–392.
3. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского: в кн.: Post Scriptum / Н. А. Бердяев. М.: Эксмо, 2007. С. 7–169.
4. Библия: книги священного писания канонические: Нью-Йорк-Женева-Лондон (без года издания).
5. Блаженный Августин. Исповедь. М.: Эксмо, 2006.
6. Блаженный Августин. Монологи. В кн: Бл. Августин «О бессмертии души». М.; ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 210–211.
7. Достоевский, Ф. М. Post Scriptum: дневник писателя / Ф. М. Достоевский. М.: Эксмо, 2007. С. 479.
8. Кант Иммануил. Соч.: в 6 т. Т. 4, Ч. I, С. 311–505. (Критика практического разума).
9. Ницше, Ф. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом: сб. / Ф. Ницше; пер. с нем. М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. С. 125–132.
10. Ницше, Ф. О философах: сб. / Ф. Ницше; пер. с нем. М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. С. 345–353.
11. Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 295–314 (Евтифрон).
12. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. М., 1959. С. 204.
13. Флоровский, Г. В. Восточные Отцы IV-го века / Г. В. Флоровский. Париж, 1931 (репринт 1972). С. 24.
14. Шестов, Л. Соч.: в 2 Т. Т. 2. С. 5–98.
15. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 520–521.